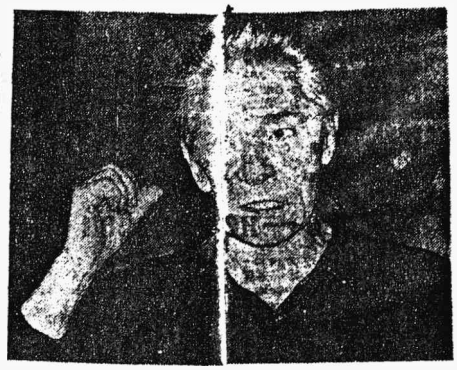
Российская газета
1995 - 11 марта - с. 7

КОНЦЕРТ ДЛЯ СКРЕПКИ С ОРКЕСТРОМ

БУКВАЛЬНО ВЕСЬ МИР (И ЭТО БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ) ВЗБУДОРАЖИЛА ВЕСТЬ ОБ УХОДЕ ИЗ БОЛЬШОГО ТЕАТРА Ю. Н. ГРИГОРОВИЧА, ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ.



Кто только вчера не позвонил в пресс-центр театра! «Свобода», «Би-би-си», «Эн-би-си», Франс Пресс... Не говоря уже о наших средствах массовой информации.

Хорошо знаем, что при коммунистах не выдерживали травли художники и уезжали за рубеж. А тут свобода, демократия. Как же все это увязать? И какова теперь судьба всемирно известной труппы?

Итак, вопрос Григоровичу.

— Почему вы уходите, Юрий Николаевич?

— Вы знаете, как ни странным покажется, но я прежде всего думаю о театре, о судьбе труппы. Так называемые реформы, проводимые в театре,— это разрушение Большого театра, разрушение всех творческих коллективов. Все началось с очень странного заявления директора в газете о том, что он уберет всех главных художественных руководителей. Весь театральный мир держится на такой системе руководства. Что значит директор за рубежом? Умный и хороший клерк, администратор. Вы знаете, кто во МХАТе директор? Или в «Современнике»?.. Вот именно. А Ефремова, Захарова знают все. И вспоминать о директоре никому и в голову не придет.

Нашему директору Кокониу с подачи Департамента культуры аппарата Правительства РФ во главе с Шабдурасуловым была дана безраздельная власть. Он стал командовать творцами, людьми, которые завоевали авторитет не только у себя в стране, но и за рубежом.

Теперь у нас чиновник занимается всем искусством России. Когда наш Президент появился в театре первый раз, ему была подсунута без нашего ведома замечательная бумажка (плод творчества Кокошина и Шабдурасулова), в которой Кокошин объявлялся самым главным в театре.

В то время (это было до известных указов Президента) театр был отделен от министерства. Даже министр был лишен возможности нами руководить. А вот какой-то фитюлька Кокошин возомнил из себя великого реформатора. Можете представить, в какой обстановке мы работали в этом сезоне. Но мы работали. Прекрасно провели гастроли. В Большом прошли две балетные премьеры — «Сильфида», «Дон Кихот»...

— Юрий Николаевич, извините, может быть, за не совсем корректный вопрос. В связи со скандалом в Большом в прессе упоминается ваш непростой характер.

— Конечно, у меня есть характер. Не могу представить настоящего художника без такого качества. Я вспоминаю Товстоногова, у которого тоже был непростой характер. Может быть, поэтому у него и был непростой театр. От него ушли многие. Даже такие, как Смоктуновский, Доронина. Но у него остался Лебедев, к нему пришла Фрейндлих. И был создан тот феномен, который мы называем театром Товстоногова, которым можно гордиться...

Итак, девять месяцев Большой театр не только работал, выпускал спектакли, театр еще и боролся.

Руководители творческих подразделений Григорович, Лазарев, Левенталь еще летом пытались попасть на прием к Ельцину. Их не приняли. С ними беседовал Яров, обещал разрешить конфликт. Газеты опубликовали открытое письмо художественных руководителей Президенту. Ответа не последовало.

Потом было общее собрание коллектива Большого театра, в котором участвовало более 800 человек. Оно проходило в том самом Бетховенском зале, где Б. Н. Ельцин встречался с интеллигенцией накануне апрельского референдума 1993 года. Коллектив Большого театра тогда поддержал Президента. А сегодня поддерживают только генерального директора, который перестал считаться с мнением коллектива всемирно известного театра.

На этом собрании коллектив выразил недоверие своему генеральному. А Кокошин даже не пришел на собрание, хотя председатель профкома, солист оперы Владимир Кудряшов, полтора часа убеждал его встретиться с коллективом и объясниться. Возмущению людей не было предела.

Помню, как солистка оперы Раиса Котова сказала:

— С нами обращаются так, будто мы работники банно-прачечного треста. А мы артисты Его Величества Большого театра России.

Администрация дело попыталась представить так: коллектив против контрактной системы, а директор — за. Но артисты прекрасно знают, как оплачивается контракт на Западе. 10—15 тысяч долларов за спектакль. У нас таких денег нет. Хорошо, пусть будет меньше, но сколько? Если нет средств, пропадает весь смысл контракта, он становится средством борьбы с неугодными.

— Найдем деньги,— заверил Кокошин.

И ведь нашел. Но не для контрактов. При Большом театре сейчас создано восемь коммерческих структур. В них, естественно, работают ближайшие родственники некоторых заместителей генерального директора. Да и сам Кокошин — член правления Элби-банка.

Сейчас рядом с театром ведется какая-то непонятная стройка. Никто толком не объяснит, что происходит. Здание Большого подкапывается снаружи. Прекрасный памятник архитектуры в опасности. А ведь даже при коммунистах маленького рва никто не мог прорыть у театра без специального решения правительства. Таинственная стройка накрыта железным шаром. Возле него тут же приспособились спекулянты. Трясут перед прохожими кофточками, лифчиками, платьями...

Балет Большого всегда занимал передовые позиции в ряду мировых эстетических ценностей, был той кузницей, которая ковала лучшие их образцы, давала миру шедевры. И вот теперь Мастер, человек, возглавлявший эту кузницу, считает сотрудничество с Большим театром для себя невозможным.

3 марта Ю. Ф. Яров, на прием к которому попросилась группа артистов, объяснил, что в Администрации Президента находится на подписи документ, который и решит судьбу Большого театра.

— Вас освободим от директора, а директора от вас.

Но как! По этому документу Владимир Васильев назначается генеральным директором — художественным руководителем, а Кокошин — исполнительным директором.

Юрий Федорович тут же добавил:

— Может быть, я и не прав. История нас рассудит.

Да, история многих рассудила, вот только исправить ничего не могла.

— Можно ли эту новость довести до коллектива? — спросили Ярова.

Он не возражал.

Между тем Григоровичу поступили и поступают десятки предложений возглавить балетные труппы за рубежом. Мастер пока не принял решение о дальнейшей своей деятельности. Во всяком случае на этот вопрос он мне не ответил.

Только с грустью сказал:

— Сейчас больше волнует не моя судьба. Я 30 лет проработал в Большом. Отдал ему все, что мог. Что будет с труппой, с высочайшими профессионалами балета? Они же творцы, не потерпят дилетантства, неуважения к себе...

Как восприняли в коллективе весть об уходе Григоровича? Люди в театре обескуражены и подавлены. Из всего этого они делают выводы: с нашим высоким руководством нельзя иметь дело. Оно обмануло, предало коллектив Большого театра. Ходоков из театра уговаривали не проводить забастовки, не проводить акции протеста, обещали все решить с учетом мнения коллектива. Теперь выяснилось, что они просто тянули время. И все решили по-своему. Главному театру страны нанесено оскорбление.

Артистов Большого возмущают закулисные маневры вместо обещанной новой демократической системы назначений в ведущем творческом коллективе страны. Там ничего не имеют против Васильева. Но почему именно он? В самом-то театре не нашлось больше кандидатур? Почему не Нестеренко, не Образцова.

Владимир Васильев в нескольких интервью (правда, это было до конфликта в Большом), перечисляя своих учителей, с благодарностью вспоминал и имя Григоровича, хотя и вынужден был уйти из Большого из-за конфликта с ним. Не будем обсуждать ту давнюю ситуацию. Васильев ушел из театра, не приняв идей Юрия Николаевича. Так что же сейчас он возвращается в театр, чтобы разрушить эти идеи?

У Григоровича достаточно заслуг перед мировым балетом, перед Большим театром, перед российским искусством, перед страной, чтобы наши высокие инстанции создали ему условия для плодотворного труда. Таланты — это богатство страны, их надо беречь, а не стравливать.

Не хочу принизить творчество Владимира Васильева. Оно любимо не только в нашей стране, но и за рубежом. И о его спокойной работе не мешало бы позаботиться.

Группа артистов пошла на прием к министру культуры К. Сидорову. Он встретил их раздраженно:

— Что вы такими толпами ходите? Пусть пройдут несколько делегатов.

Тогда его спросили:

— Вы что, артистов боитесь?

— Ладно, проходите,— сказал Сидоров, махнув рукой.

При встрече объяснил, что с Кокошиным ничего поделать не смог, так как того активно поддерживает руководитель Департамента культуры Шабдурасулов. А что касается Васильева, то это, мол, его, министра, кандидатура.

Вот и вся история. Печальная и поучительная. О том, как легко быть администратором и тяжело — творцом. Впрочем, наверное, не все еще потеряно, и мы увидим на сцене Большого па-де-де из «Лебединого озера» в постановке Кокошина и Шабдурасулова. Любопытный может получиться симбиоз. Наподобие концерта для канцелярской скрепки с оркестром.

Татьяна БУЛКИНА.
Фото
Владимира СОРОКИНА.